

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ?

БЕРТРАН БАДИ

Сьянс По, Париж, Франция

Резюме

С конца 1980-х годов широкое распространение получили заявления о конце истории. Поскольку угроза войны классического типа, как представлялось, миновала, многие исследователи стали утверждать, что мы переживаем «конец международных отношений». Данная статья выражает противоположную точку зрения, согласно которой сегодня мы, наоборот, встречаем начало отношений не только международных, но даже «интерсоциальных», в которые всё более втягиваются многообразные члены общества. Такого рода анализ открывает путь для грядущего расцвета науки о международных отношениях с её внутренними дебатами и противоречиями, равно как и с проходящими в ней ныне трансформациями. Ставя под вопрос традиционную типологию теорий, автор обращает первостепенное внимание на корреляцию между теоретическими вызовами и изменениями в истории. Как следствие, появляется возможность пролить свет на то, что можно было бы счесть французским подходом к международным отношениям. Является ли данный подход сугубо национальным, или это основа новой парадигмы? В настоящей статье автор демонстрирует, что устоявшееся видение международной жизни представляет собой отражение теоретического доминирования реалистской парадигмы, восходящей к трудам Томаса Гоббса, которая диктует восприятие политики как арены противоборства и вооруженных конфликтов между государствами. На протяжении истории Нового времени имели место три попытки поколебать господство реализма, но всех их постигла неудача. Изменения в международной действительности, вызванные завершением «холодной войны», не позволяют более игнорировать социальную ткань транснациональных взаимодействий. Начинается содержательное и методологическое переустройство исследований международных отношений. Оно возможно только при учете антропологического и социологического подходов к интерпретации мировой политики и понимание общественных противоречий, которые в настоящее время по большей части игнорируются государствами во внешней политике, но активно эксплуатируются негосударственными игроками, включая террористические организации.

Ключевые слова:

глобализация; мировой порядок; реализм; холодная война; глобализация; интерсоциальные отношения; теория международных отношений; социология.

Философ, юрист и дипломат Александр Кожев воспринимал современные ему изменения в международных отношениях как ранние признаки конца Истории [Kojève 1947; Kojève 1981]. Он исходил из того, что мировая политика выступает продуктом многовекового соперничества между государствами.

В изложенной точке зрения кроется главный ошибочный постулат международных отношений как области знаний, которая, с лёгкой руки Томаса Гоббса, определялась как наука о войне и сфера деятельности, основывающаяся исключительно на политике с позиции силы. Если глобализация бросает вызов суверенитету государств и, приводя к

образованию как никогда плотной системы международных норм, преобразует межгосударственные войны во внутрисударственные конфликты, стирая границы между странами, то аргументация, предложенная Кожевом, правильна, и конец Истории, понимаемой как межгосударственное противоборство, действительно был близок.

Кожев закономерно воспринял призрак всемирного сообщества как реальное начало конца Истории. Такого рода опасения всегда были свойственны подходу, сводящему международную политику к действиям с позиции силы, определяемой постоянной конфронтацией между потенциальными врагами. Означенный подход изначально строился на восприятии международных отношений как комплекса взаимодействий между государствами, экстраполируя на весь мир *европейский опыт, характеризующийся разукрупнением политических образований и непрекращающимся соперничеством между ними*. Такого рода ограниченное понимание катастрофически сужает саму структуру области знаний и, ослепляя как экспертов, так и дилетантов, парализует деятелей большой политики. Что если этот конец международных отношений традиционного типа, привычных дипломатам и военным, на самом деле ознаменовал собой начало новой истории? Что если эта новая история формируется включением в международные отношения не только соперничающих государств, но также и борющихся или сотрудничающих друг с другом социальных игроков и «пронизанных взаимными связями»¹ сообществ? Что если место международных отношений постепенно занимают отношения «интерсоциальные»?

1

Международная политика имеет длительную историю, однако предметом изучения отдельной научной дисциплиной она стала сравнительно недавно, я бы даже сказал — запоздало. Вооруженные кон-

фликты в становлении этой самостоятельной области знаний сыграли главенствующую роль. Например, первая кафедра международных отношений появилась в Аберистуите (Aberystwith University — государственный университет в Уэльсе — *прим. перев.*) лишь после Первой мировой войны, но по-настоящему организована новая наука была только по завершении Второй мировой войны. Тяжкая травма глобального конфликта способствовала её становлению как науки о войне и силе. Возможно, если бы не страшная катастрофа, исследования международных отношений были бы в меньшей степени ориентированы на войну. Кроме того, без гегемонии США, сформировавшейся в ходе Второй мировой, наша с вами наука, скорее всего, была бы другой — возможно, не столь американоцентричной и более универсальной.

Версальский мир 1919 г. изначально закладывал иной маршрут, ведущий к возникновению науки, в большей степени ориентированной на исследование проблем мирного времени. Лозунгом тогдашнего научного сообщества было — «Никогда снова!» Это соответствовало линии, проводимой Лигой Наций, которая создавалась примерно в это же время. В тот период исследователи готовы были следовать заветам Нормана Энджелла, который ещё до 1914 г. опубликовал работу «Великая иллюзия», объявляя войну оторванной от реальной действительности и старомодной [Angell 1913]. Интеллектуалы, которые направлялись государственным департаментом США и британским Форин офисом для участия в мирных переговорах (например, Джон Мэйнард Кейнс, Альфред Циммерн и Арнольд Тойнби), были известными выразителями пацифистских настроений.

Спустя короткое время в США и Великобритании были учреждены институты, призванные способствовать международному сотрудничеству, а не работать на войну. В частности, Королевский институт

¹Данная концепция была предложена французским юристом Жоржем Селем, который утверждал, что общества во всё большей степени проникают друг в друга, оказывают друг на друга всё большее влияние и взаимодействуют.

международных отношений (1920) в Великобритании был призван иметь дело с «различными точками зрения народов и наций». Американский институт международных отношений (1920) слился с Советом по международным отношениям в целях работы над совершенствованием понимания международных вопросов и разработки более адекватной внешней политики. Лига Наций форсировала проведение конференций по международным исследованиям, направленных на формирование общественного мнения по таким вопросам, как «государства в экономической жизни», «коллективная безопасность», «мирное изменение» или «экономическая политика и мир во всём мире».

В тот период ничто ещё не было определено, и перед совсем юной наукой были открыты все пути. Гоббс казался столь же далёким, как и следующая война. По этой причине именно витающие в облаках мечтатели были первыми, кого следовало обвинять в 1945 г. в произошедшей войне, которая привела к обратному смещению маятника — наука о международных отношениях начала своё движение от Канта к Гоббсу. Говоря иначе, если бы не два глобальных конфликта, исследования международных отношений пошли бы по другому пути, приняв иную форму и приобретя иную суть.

Последовавшая «холодная война» стала для гоббсовской парадигмы отличным полигоном для развития: жестко поляризованный мир был разобшён на два глубоко враждебных друг другу лагеря, исповедовавших антагонистические идеологии и вполне способных уничтожить друг друга. СССР и США смотрелись чрезвычайно похожими на гладиаторов, описанных в «Левиафане». Если оглянуться в прошлое, становится очевидным, что изначально наука о международных отношениях была скорее *идеалистической*, в то время как новая её ипостась претендовала на *реализм* — великая трансформация произошла. Родиной новой науки стали США, что не могло не привести к реинкарнации тамошних кумиров: Макс Вебер и Томас Гоббс вернулись!

Реализм стал считаться доминирующей теорией. Однако является ли он и в самом деле теорией, или это скорее концепция? Теория должна быть в состоянии дать всеобщее объяснение происходящему на международной арене, включая все параметры, действующие лиц и силы, проблемы и исторические этапы, в то время как реализм в состоянии предложить лишь хронику соперничества потенциально воинственных государств.

В соответствии с его положениями международная политика оказывается тождественной политике с позиции силы, не знающей ограничений. При этом сила, применяемая вне пределов государства, рассматривается как совершенно иная, нежели сила внутри, а внутренняя политика, равно как и этика, не имеют к международным отношениям никакого касательства [Morgenthau 1954]. Данная парадигма может дать ясное видение международной политики лишь времён «холодной войны», но она не в состоянии предоставить инструменты для исследования нынешней глобальной системы.

Реализм не доверяет этике, если та идёт в разрез с силой, однако он сохраняет мощную привязку к своим нравственным корням, в особенности к американскому мессианству. Один из его отцов-основателей, Рейнгольд Нибур, был известен глубокой приверженностью протестантской идеологии. По его мнению, сила США не притязала на вмешательство в отсутствие моральных соображений [Niebuhr 1932]. Она имела целью сдерживание советской военной силы, блокирование «империи зла». Сила может иметь позитивную ориентацию, и Гоббс отчасти ошибался, поскольку не все гладиаторы выглядят одинаково.

Более того, реализм ещё и оставался зависимым от политического контекста. В 1970-х годах, когда «холодная война» приобрела организованный характер, а на повестке дня появилась разрядка, изучению подлежал уже новый, биполярный мировой порядок, который способствовал появлению неореализма. Когда американская гегемония оказалась под вопросом,

а внешняя политика США разрывалась между компромиссами Картера и непреклонностью Рейгана, произошёл раскол реализма на «наступательный» и «оборонительный».

Мы можем чётко различить ту роль, которую сыграла в рассматриваемых случаях идеология, вне зависимости от того, насколько она была скрыта за реализмом. Ее влияние приобрело беспрецедентные масштабы, поскольку международные отношения никогда ещё до такой степени не формировались столкновением двух идеологий, которые, подстёгивая друг друга, дошли до того, что соперничество между государствами стало главной игрой мировой политики. Этот принцип «главной игры», являющийся краеугольным камнем реализма, ныне изжил себя, фактически превратившись в анахронизм.

Однако было ли общераспространенным реалистское видение даже в его золотой век? Подавляющее большинство книг, опубликованных по международным отношениям, происходило из США. Их было настолько много, что в Соединенных Штатах никто даже не пытался искать иные источники знания. Основные конференции организовывала Ассоциация международных исследований (ISA), основанная в 1959 г. в США, с головным офисом сначала в Колорадо, затем в Миннесоте, Южной Калифорнии, Аризоне и, наконец, в Коннектикуте. Такого рода форумы ежегодно собирают порядка 5000 участников, проводятся в одном из городов Северной Америки, а их рабочим языком остаётся английский. Организуются также выставки книг с демонстрацией работ, написанных по-английски, и почти все периодические издания размещают у себя ссылки на том же языке.

В Европе исследования по международным отношениям ведутся в куда более скромных масштабах. Даже те, что есть, большей частью представлены работами британского происхождения. В Соединённом Королевстве исследователи опирались на традицию, истоки которой прослеживаются ещё до Второй мировой войны. *Британская ассоциация международных ис-*

следований расширила формат проводившихся и прежде «Конференций Бейли» (Bailey conferences), дистанцируясь от американского партнёра. Английская школа, в которой стали доминировать работы Мартина Уайта и Хедли Булла, изначально взяла за основу наследие Канта, Гуго Гроция и даже Эмиля Дюркгейма, воззрения которых далеки от гоббсовых. Подчёркивая роль солидарности, сотрудничества и «международного сообщества», данная школа была ближе реалиям скорее евразийского континента, нежели США [Bull 1977; Durkheim 1893; Grotius 1999; Wight 1977; Wight 1991].

О целостной англо-саксонской науке о международных отношениях не может быть и речи, поскольку Британия и США вынесли различный исторический опыт из Второй мировой войны. Если Соединённые Штаты могли воспринимать силу в качестве источника своей новой гегемонии, то Англия пребывала под влиянием наследия старой Европы, с её компромиссами и конфронтациями, которые привели к постепенному формированию Соединённого Королевства. США оказались вовлечены в осуществление мессианской задачи, со временем как Великобритания ощущала себя частью многовековой истории международной жизни, в которой она всегда являлась одним из основных игроков.

Аналогичный подход присущ и континентальной Европе, в частности Франции, в которой солидаристская традиция Дюркгейма была, стараниями Леона Буржуа, Аристиды Бриана и Альбера Тома, приведена в соответствие с реалиями современной им международной политики. Как социолог, Дюркгейм делал основной упор на вопросах интеграции в обществах, с целью снижения интенсивности конфликтов и для преодоления классовой борьбы. Глобализация согласуется с таким подходом, поскольку требует в качестве предварительного условия минимальный уровень международной интеграции.

Леону Буржуа удалось предвидеть будущее, когда он ещё в 1907 г. утверждал, что социальная динамика, как и общественное

мнение, будут играть в международных отношениях всё более важную роль, а также что они постепенно придут на смену военному соперничеству между государствами [Bourgeois 1910]. Подобные ожидания способствовали созданию Лиги Наций, открывшая дополнительный путь к мультилатерализму. Наряду с либеральным интернационализмом, предложенным президентом Вудро Вильсоном после Первой мировой войны, внимание было уделено также социальным основаниям и функциям международных организаций. Вебер утратил монополию, и интеграция по Дюркгейму приобрела значение полноценной концепции международных отношений.

Классическое наследие великих социологических теорий использовалось для смены направления исследований мирового порядка. Однако данный переворот долгое время не учитывался американской наукой. Сама категория «солидарности» до сих пор игнорируется в среде исследователей из США, специализирующихся на международных отношениях.

Немецкий политолог Харольд Мюллер отстаивал очень близкое понимание различий теоретических школ, сравнивая европейские и американские традиции [Müller 2007]. В его труде Европа показана неоднородной и разобщённой, концентрирующейся на отдельных исторических примерах, в то время как точка зрения США представлена как более глобалистская и универсалистская. Вследствие этого американская наука отдаёт предпочтение рациональности, статистике и количественным методам. В точности наоборот обстоит дело в Европе. Здесь исследователи дистанцируются от рационального выбора, предпочитая подходы, в большей степени связанные с историей или антропологией, которые способны отражать многообразие ценностей и культур. Старый свет в большей степени привержен трансдисциплинарной концепции международных отношений, которая бросает вызов монолитному реализму.

Тем не менее американское превосходство в области изучения международных

отношений было настолько мощным, что в течение нескольких десятилетий реальные дискуссии по вопросам теории фактически отсутствовали. Если бы они имели место, то эволюция дисциплины пошла бы по иному пути. Именно отсутствием реальной полемики можно объяснить ложное ощущение определённости, которое оказало заметное влияние на основное направление изучения мировой политики. Большее участие европейских социальных наук, а также мобилизация исследовательских возможностей Азии, Африки и Латинской Америки придали бы теории международных отношений иной облик – она стала бы богаче, более гибкой и универсальной.

Та конфигурация теории, которая стала доминирующей, фактически характеризуется сведением всего многообразия путей исторического развития к одной единственной истории, а универсальности к одной единственной культуре. Столь плачевное упрощение оставалось приемлемым во времена «холодной войны», поскольку диктовалось правилами игры, навязанными реализмом, однако стало недопустимым в контексте глобализации.

Реализм едва ли способен принять во внимание результаты деколонизации и окончательной победы слабейших из гладиаторов. Его всё ещё сковывает рушащаяся в глобализованном мире универсализация рациональности государства. Он не способен содействовать прояснению сути новых международных конфликтов во всей их противоречивости [Kaldor 1999]. Он не преуспел и в объяснении культурного плюрализма на международной арене, за исключением предложения спорной концепции «столкновения цивилизаций». Неспособность к принятию антропологического подхода привела к утверждению девелопменталистской наивности и культурологического эссенциализма, в сочетании с очень консервативным пониманием новых международных конфликтов.

С позиций реализма основные особенности глобализации с трудом определяются и плохо поддаются объяснению. Инклюзивность современных взаимодей-

ствий плохо сочетается с его логикой. Ему не удаётся определить значение негосударственных организаций, за исключением наиболее маргинальных, в то время как растущая роль средств массовой информации, подвергающая сомнению суверенитеты и принадлежность территорий, им существенно недооценивается.

Инклюзивность ставит под вопрос прежнюю клубную дипломатию и превращает в достояние прошлого решения Венского конгресса, которые столь долго служили основанием западной дипломатии. Она ослабляет концепцию полярности, равно как и постулат об упорядоченности международной системы.

Совместим ли с гоббсовыми стандартами Китай? За свою многотысячелетнюю историю Китайская империя никогда понастоящему не участвовала в гладиаторских играх, где ей могли бы противостоять державы сопоставимой мощи, как это было у государств Европы. Ее завоевания не приводили к экспансии на значительные расстояния. В «Срединной империи», развилось ощущение собственной непохожести, что весьма существенно отличается от того, что мы наблюдаем в западных странах.

Она, скорее, игнорирует прочих, нежели пытается преобразовать их под своё видение мира. Её никогда не привлекал универсализм, и она не была подвержена восприятию международных действий с позиции мессианства, за исключением того периода, когда была ненадолго и поверхностно охвачена марксизмом, который (что важно) оказался импортирован из Европы! Нынешняя дискуссия относительно места КНР в новом глобальном мире в значительной степени обусловлена сомнительной совместимостью истории Китая и интерпретации прошлого с позиций реализма.

Имевшее место несколько ранее вступление на путь глобализации Японии породило аналогичный скептицизм. В сборнике, подготовленном Джереми Бречером и его коллегами [Brecher, Costillo, Smith 2000] вскрываются социальные корни трансформации, которая проходила в стра-

не после Второй мировой войны и которая слабо контролировалась политическими деятелями. В нем также подчёркивается та роль, которую сыграли в привязывании японского общества к другим странам транснациональные социальные сети.

Для объяснения указанного процесса предпочтительнее использовать социологию и антропологию, нежели классическую геополитику. Аналогичное утверждение представляется справедливым и в отношении различных форм «нового регионализма», распространяющегося в Азии [Scalapino 1991]. Он также ставит под сомнение классический территориальный порядок суверенных государств.

Аналогичный аргумент может быть применён и к потенциальным мировым державам, в особенности таким, как Индия и Бразилия, история которых существенно отличается от европейской, что справедливо также и в отношении исламского мира или стран Африки. «Арабская весна» вновь продемонстрировала историческую специфику данного региона и его несоответствие западной парадигме.

Для правильной интерпретации региональных политических процессов необходим антропологический анализ, который позволяет вычленивать множество опасных штампов, таких, как «африканский трайбализм» или «арабский фундаментализм». В то время как геополитика на основе реализма склонна абсолютизировать такого рода категории, социологический анализ воспринимает их как маркеры провалившейся интеграции в международный социум.

Когда реалистский анализ пытается ухватить эти особенности, опираясь на опыт классического межгосударственного соперничества, он приводит к неправильному восприятию конфликтов и, как следствие, возникновению иллюзорных представлений о путях воздействия на них. Проблемы Афганистана, Ирака, Сомали, Конго, а ранее Вьетнама, не могут быть сведены к простому соперничеству политических деятелей, указанные конфликты не подлежат сравнению и с религиозным противоборством Тридцатилетней войны.

2

Упрямство реалистов нуждается в объяснении. Определяется ли оно недостатком теоретического инструментария или дефицитом дискуссии внутри дисциплины? Дискуссий не то чтобы не было вовсе, но они никогда не получались достаточно внятными и не приводили к низложению гегемонии реализма. Марксизм мог бы бросить вызов этому доминированию, однако в условиях «холодной войны» он стал скорее идеологическим противником, нежели конкурентом в науке.

Помимо противоборства реалистов с выразителями марксизма, ещё три дискуссии предполагали переформатирование международных отношений, предоставляя возможность иной конфигурации научной области. Старейшая из них датируется XVII веком, когда Гоббс был противопоставлен Гроцию. Корни второй восходят к XIX столетию, когда изучение власти противопоставлялось осмыслению интеграции. Последняя же имела место в США, когда реализму пришлось столкнуться с бихевиоризмом. Все эти дискуссии могли вылиться в острую проблематизацию реализма, однако фактически были проигнорированы. Когда же аргументы критиков стали более радикальными, возник миф о конце истории.

Повлиять на структуру осмысления международных отношений могла бы серьёзная дискуссия с противопоставлением двух традиций, одна из которых исходит от Гоббса, другая – от Гроция. Если бы победителем стал последний, то исследования гораздо раньше были бы переориентированы на транснациональные отношения и изучение состояния без войны. Это позволило бы получить картину не столь воинственного мира, потребного коммерции.

Именно по этой причине правители и лица, принимающие решения, никогда в действительности не полагались на знаменитого голландского юриста в периоды построения государств, когда война стимулировала национальное строительство и сдерживала устремления к демократии. Они не могли не понимать, что его обращение к естественному праву ограничивает

им пространство для политических и военных манёвров.

Либеральные последователи Гроция оказались робкими и умеренными. Они не придерживались всех аспектов его наследия. Вместо того чтобы вдохновляться выводами его главной книги и, в частности, призывами к миру и добросовестности в дипломатии, они предпочли усвоить его представления о конкуренции, истолковав их как апологию свободному рынку. Они охотно цитировали его рассуждения о справедливой войне, не принимая во внимание предупреждений мыслителя об искушении сомнительных поводов к ней [Grotius 1999].

Либерализм никогда не мог бросить серьёзный вызов реализму, несмотря на то что был успешно воплощен в секуляризме, просвещении, свободном рынке, частной собственности и демократии. Являясь по природе нестойким, он похож на хамелеона и не способен противостоять доминированию реализма. Его едва ли возможно использовать в полемике по теории международных отношений, и он не может рассматриваться в качестве ни гомогенного, ни ясно сформулированного ответа реализму. Как отмечал Ричард Бирдсворт, либерал попеременно становился либертарианцем, нео-либералом, социал-демократом, республиканцем и даже радикалом [Beardsworth 2011]. Либералом считался даже Гоббс, когда он поддерживал свободную конкуренцию между государствами, хотя и с подозрением относился к свободам личности. Джон Локк тоже расценивался как либерал, когда утверждал, что независимость государств является коллективной свободой, а территориальная целостность должна рассматриваться в свете коллективного воплощения права собственности – коммунистический Китай можно было бы считать вполне соответствующим такого рода воззрениям Локка!

Среди последующих представителей либерализма Стюарт Милль был скорее антиинтервенционистом [Mill 1973], да и Гобден решительно выступал против любого рода вмешательств в дела других стран, по-

скольку они отрицают свободу. Французские жирондисты, равно как и современные неоконсерваторы, напротив, поддерживали интервенцию в поддержку либеральных ценностей, рассматривая их в качестве инструментов освобождения. Подход Бентама характеризовался богатством оттенков, в то время как Каннинг, либеральный министр иностранных дел, полагал хорошим всё, что подходило проводимой им политике.

С одной стороны, некоторые из либералов выступали активными сторонниками растущей роли межгосударственных организаций в международном управлении. В первую очередь такой позиции придерживался Вудро Вильсон, который требовал сдерживать войну и нестабильность посредством мультилатерализма. С другой стороны, неоконсерваторы выступали против международных организаций, используя либеральные аргументы, в то время как придерживавшиеся крайне либеральных взглядов Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер считали, что они вообще не играют роли в мировой политике.

На фоне такой непоследовательности либерализм и реализм попеременно то поддерживали друг друга, то противостояли друг другу — изначальные различия воззрений Гроция и Гоббса поблекли в глазах их последователей. Фактически дискуссии куда более охотно следовали политическому контексту, нежели расхождениям в области теории. Споры возникали по вопросам мультилатерализма, возможностей иностранной интервенции или статуса гегемонии США.

При всей своей внешней серьёзности и значимости новейшая теоретическая дискуссия, оппонируя в 1980-х годах современным производным как реализма, так и либерализма, фактически стала отражением политических исследований с целью поиска наилучшего пути восстановления американского лидерства после поражения во Вьетнаме, где силе США впервые был брошен вызов. Поскольку в рассматриваемом случае о реальной теоретической полемике речи не шло, представители обоих

подходов пришли к схожим выводам. Признавая востребованность негосударственных организаций на международной арене, либерализм не ставит под сомнение и первостепенную роль государства. Реализм же, хотя и заявляет о центральной роли межгосударственных конфликтов, пошел по пути усвоения теории рационального выбора, в соответствии с которой государство превращается в подобие фирмы. Как и реализм, либерализм потерпел сокрушительную неудачу в попытках позиционировать себя в качестве глобальной теории международных отношений. Ему удалось лишь внести корректировки в рассуждения по Гоббсу, отстояв очень пластичное и расплывчатое видение того, чем должна быть свобода на международной арене. Более того, и реализм, и либерализм предпочли уклониться от изучения антропологии, истории, социальных структур и различных вариантов межгосударственной солидарности, сохранив приверженность монодисциплинарному видению международных отношений.

Проигнорированные аспекты могли выдвинуться на первый план в Европе конца XIX века, когда государства подвергались мощному воздействию классовой борьбы. В тот период государственные деятели и учёные пришли к пониманию ценности общественной солидарности как необходимого ориентира при проведении внутриполитического курса. Эмиль Дюркгейм противопоставил социальную интеграцию концепции власти Вебера. Политика рассматривалась им через призму не жёсткой силы, а её общественного субстрата.

Хотя Дюркгейм не распространил данную интерпретацию на мировую политику, некоторые последователи использовали его постулаты при отстаивании нового видения международной жизни. Инициатива исходила, в первую очередь от политических деятелей, таких, как Леон Буржуа, Альбер Тома или Аристид Бриан, лишь с трудом прокладывая себе путь в социальные науки. Это новое движение оказало мощное влияние на Лигу Наций, Международную организацию труда (МОТ), Пакт

Бриана-Келлога и Локарнские соглашения. Конкуренция между государствами была объявлена главной причиной слабости Европы. В частности, Буржуа отрицал восприятие войны как необходимого зла, считая подобное отношение варварской теорией – мир Гоббса виделся уже очень далеким, а современная действительность подталкивала к необходимости выработки социологического взгляда на мировую политику [Bourgeois 1910].

Состояние мира воспринималось им сугубо позитивно – оно должно быть установлено и управляться законодательным путём, особенно в части, касающейся прав народов. Мир определялся как краеугольный камень международной политики, в то время как развитие общества должны были стать его основной движущей силой. Буржуа полагал, что прежде народы были изолированы суверенитетом государства, ныне же они всё более склоняются к взаимной солидарности, в то время как суверенность становится «относительной». Конфликты рассматривались с точки зрения социальных процессов, которыми они обусловлены в большей степени, нежели политическим и военным соперничеством. Французский юрист Жорж Сель придерживался мнения, что государства становятся всё более «взаимно проникшими» друг в друга [Scelle 1932]. В этой связи международная политика должна изучаться в рамках междисциплинарного комплекса на стыке права, политологии, социологии, экономики и истории.

Однако, пребывая в зачаточном состоянии, новая наука оказалась маргинальной. Она не была востребована в период «холодной войны», с которой едва ли была совместимой. Подобная маргинализация произошла даже во Франции, где Раймон Арон отдавал предпочтение реализму, взыскательно ставя под вопрос наследие Дюркгейма [Aron 1966]. Лишь немногие исследователи в нашей области продолжали обращаться к социологии. К редким исключениям такого рода относились Давид Митрани, Джон Бёртон и Норберт Элиас, пусть даже последний и полагал, что цивили-

зация оказывает влияние лишь на самые фундаментальные аспекты международной политики.

Оформившись как научная дисциплина в США, наука о международных отношениях должна была определиться со своим отношением к смежным дисциплинам, которые развивались в американских университетах в 1960–1970-х годах. Обозначившиеся противоречия предоставили третью возможность трансформировать подходы к изучению мировой политики.

Впрочем, и эта попытка оказалась маргинальной и весьма умеренной. Наука о международных отношениях осталась замкнутой и относительно невосприимчивой к влияниям, исходящим от политологии. Бихевиоризм открыл новые заманчивые перспективы, особенно в области анализа внешней политики, сделав акцент на той роли, которую способны сыграть в принятии решений аффект, заблуждения и предрассудки. Однако он не преуспел в преодолении иллюзий рационального выбора в международной жизни настолько, насколько это ему удалось это в изучении внутренней политики.

Оставаясь в стороне от основного направления развития наук, исследования международных отношений не извлекли выгоды из важнейших дискуссий, которые протекали в политологии как относительно государства, так и касательно власти. Участие в этих дебатах ограничивалось главным образом Великобританией благодаря усилиям Сьюзен Стрейндж и Канадой с учетом вклада Роберта Кокса, несмотря на то что полемика вокруг проблемы «непринятия решений» могла бы оказаться плодотворной и для международных исследований.

В исследованиях международных отношений того времени едва ли можно найти хоть что-то выдающееся по вопросам взаимоотношения культуры и политики, помимо крайне упрощённой и провокационной гипотезы «столкновения цивилизаций». Последняя полностью игнорирует вклад, сделанный в антропологию и политологию Дж. Гирцем [Geertz 1973]. Жёсткое разграничение внутривосточного и

межгосударственного исключало участие специалистов в области международных отношений в исследованиях политического поведения, мобилизации и общественных движений. По крайней мере такое положение сохранялось вплоть до появления работ Джеймса Розенау и ещё более поздних исследований транснациональных общественных движений [Rosenau 1990; Tarrow 2005].

Специалисты уделяли мало внимания транснациональному обмену знаниями, что отдаляло изучение международных отношений от прочих социальных наук. Международным исследованиям пришлось дорого заплатить за приобретение и удержание неправомочного статуса исключительности. Словно заключённая в гетто, наука о международных отношениях была обречена на жёсткий консерватизм. Создавалось впечатление, что международный факт настолько отличен от любых иных, что его следовало оберегать от любого рода улушений и вмешательства.

З

По причинам, рассмотренным выше, изменения не могли произойти иначе как через резкое изменение контекста. Намерены ли мы до бесконечности дышать воздухом 1947 года? Являются ли несущественные изменения, позаимствованные из разнообразных «измов» с приставкой «нео», достаточными для осмысления современной действительности? Эпоха «холодной войны» не вечна, насколько бы она ни полонила большую часть научного и даже политического сообществ. Даже полярность, которая была признана с таким запозданием [Waltz 1979], более не существует, и её коллапс привел к постановке под вопрос всей доктрины реализма.

Биполярный порядок и не мог сохраняться долго, поскольку возникновением своим был обязан исключительным, катастрофическим обстоятельствам – появлению ядерного оружия, разгрому нацизма и победе двух восходящих сверхдержав, пароксизмальной идеологической конфронтации, колониальной системе, что оставля-

ла вне большой политики две трети планеты, и глобальной экономической реконструкции. Его слом оказался не слишком резким и не абсолютным, благодаря чему действительно мощной парадигмальной революции не произошло. Изменения были чересчур серьезными для того, чтобы их можно было истолковать посредством объяснительных возможностей классической теории, однако недостаточно радикальными для побуждения научного сообщества к изменению ее основ.

Реалистская догма утрачивала непоколебимость по мере ослабления суверенитета. Суверенитет, как «организованное лицемерие» [Krasner 1999], являлся краеугольным камнем Вестфальской системы. Он помогал определить, что представляют собой государство, оправдать соперничество между ними, обосновать коренное различие между внутренним и внешним, и даже придать осмысленность войне. Оставаясь по сути фикцией, суверенитет создавал представление о легитимности и обеспечивал согласованность мирового порядка.

Когда же сломался этот механизм? Вероятно, когда суверенитет утратил свой смысл, а на международную арену вступила солидарность, более не ограниченная сферой внутренней политики. Это изменение следует расценивать не как отражение этического прогресса, а как тривиальный результат технологических изменений в коммуникациях и обмене информацией, а также растущей эмансипации, которая выступает основным механизмом глобализации.

Международные взаимодействия более не ограничиваются соперничеством, «битвой гладиаторов», они всё в большей степени включают в себя стратегии, выходящие за пределы игры «кто кого». Кризис и конфликт всё реже оказываются результатом конкуренции за власть, а проявляются как следствие социальных противоречий и патологий. Сила более не является средством регулирования и балансирования в случаях, когда реализация этих функций не может эффективно обеспечиваться социальным регулированием и транснациональной солидарностью.

Исследования международных отношений столкнулись с новой повесткой дня, в которой должны были доминировать «тектонические аспекты обществ». В глобальном мире внутренние социальные проблемы приобретали всё более интернационализированный характер, превращаясь в важнейшие международные вызовы, в то время как экономическая и социальная деятельность в национальных государствах во всё большей степени становилась независимой.

Как можно забыть о том, что голод уносит в мире по 2800 жизней каждые три часа, что сопоставимо с количеством погибших в результате террористических атак 11 сентября 2001 года в Нью Йорке? Как можно отрицать воздействие такого рода социальных проблем на конфликты современного мира? Возможно ли вообразить, что проблемы эти не ведут к унижительному положению и даже обесцениванию человеческой жизни, создавая всё более благоприятные условия для развёртывания международных радикальных движений? Как может вера в то, что военные инструменты в состоянии сдерживать эти новые конфликты, обеспечить спокойствие развитых стран?

Неудачи и бедствия слабейших стран и их населения потенциально влекут за собой тяжёлые и дорогостоящие потери для сильнейших. Экологические катастрофы в южной части планеты, ухудшение здоровья населения, в особенности трагедия с ВИЧ, и разваливающиеся государства ставят под угрозу безопасность и развитых стран. В условиях глобализации неудача одного из игроков способна создавать угрозу положению его партнёров. Эгоизм, присущий реализму, более не может быть продуктивным, в то время как альтруизм приобретает стратегическое значение.

Международные отношения становятся в меньшей степени вопросом политики (как это полагали реалисты), а социальное и экономическое измерения, напротив, приобретают всё большую значимость. В результате взаимозависимость оказывается основным принципом новых практических подходов. Более того, «политика между народами» становится тогда «обще-

ственными отношениями между народами». Соответственно, как никогда востребованной в изучении международных отношений будет социология, в то время как геополитика оказывается всё более маргинализованной.

Снижающаяся применимость силовой политики обесценивает привычное противопоставление «друг-враг». Корни «холодной войны» произрастали из такой оппозиции, поскольку противник был очевидным. Победив в «холодной войне», США вынуждены были искать нового врага. Они нашли его в Китае, который быстро отказался от предложенной роли. Тогда США обратились к государствам-изгоям и даже к террористическим группам или сетям наподобие Аль-Каиды. Эти метания привели к деградации концепции врага, которая едва ли может использоваться для описания асимметричных отношений и ещё в меньшей степени для изучения негосударственных организаций, не имеющих ни территорий, ни армий, ни законов, ни правительств. В качестве центральной категории реализм подразумевал равенство, наличие явного фронта противостояния, игру по принципу «кто кого», эквивалентность и абсолютную разделенность. Утрата этими категориями актуальности напрямую ставит под вопрос применимость классической теории.

Концепция врага, сформулированная Карлом Шмиттом, отразила специфику европейской истории, согласно которой наличие противника формировало не только практики международной жизни, но также целые государства и внутривластные стратегии [Schmitt 1966]. Она даже регулировала баланс сил, посредством которого предотвращалось потенциальное возрождение «универсальной монархии». Ныне же игра закончена. Новые действующие лица глобального мира не привязаны к той истории, которая обуславливала потребность во враге.

Китай никогда не использовал такой же способ создания врага как европейские государства. Он быстро понял, что совершенно не заинтересован ни в ускорении краха своих партнёров, ни даже в потака-

нии ему — будь то его главный должник или все западные экономики, от которых он зависит. Китай осознал, что игра по принципу «кто кого» закончилась. Он воспринял глобализацию раньше остальных партнёров, поняв, что этот новый контекст предполагает пересмотр самой концепции врага и переустройство международных отношений в гораздо менее жёсткой манере с тенденцией к слиянию враждебности, безразличия и дружбы.

В условиях глобализации чем государство могущественней, тем менее склонно оно, по сугубо рациональным соображениям, разыгрывать Шмидтову карту враждебности. В то же время у государств слабых имеются веские основания действовать в рамках классической теории. Это помогает им приобретать дипломатическую значимость, способность к мобилизации, укреплять государственность и даже бросать вызов великим державам. Данная карта разыгрывается или разыгрывалась Северной Кореей, Ираном и при Саддаме Хусейне Ираком. Вместе с тем идёт ли здесь всё ещё речь о действительной враждебности? В современных условиях оппозиция не является структурной, боевые действия асимметричны, а потенциальная война более не способна привести к возникновению антагонистической ситуации.

То, что остается справедливым для слабых государств, ещё более очевидно для групп, ополчений и сетей. Логика деятельности государства следует логике развития обществ. Имеет ли смысл становиться врагом социума или частью объединения, религии или даже некой интерпретации этой религии? Если стержневая концепция теряет часть своего смысла, это приводит к дискредитации традиционных форматов обеспечения боеспособности и военных альянсов. В этом случае речь следует вести о начале новой истории.

4

Возможно, мы стоим у истоков интернациональной истории, превращающейся в историю интерсоциальную, в которой фигурируют отдельные личности, обществен-

ные объединения и социальная динамика. На мировую арену выходят общества, причём не в качестве инструментов государств, а как полноправные действующие субъекты со своими культурами, религиями, экономикой и устоявшимися практиками. Прежде монополию на выбор в международной области удерживали правители и дипломаты. Сегодня необходимо понять, как может быть построено международное взаимодействие с участием этих новых игроков. Научный же вызов состоит в определении того, каким образом можно анализировать природу и деятельность не имеющих государственной принадлежности субъектов.

Ранее предполагалось, что в этом направлении работает либерализм. Однако, подчёркивая роль рынков, он обнаруживал в своём анализе тенденцию к замыканию на *homo economicus* («человеке экономического»). При этом либеральная парадигма едва ли способна сочетаться с деятельностью социальных объединений и структур.

Тейво Тейванен указывал, что глобализация стимулировала развитие экономики и привела к триумфу экономической науки, которая представляется позитивной, технологичной и ценностно нейтральной, создавая угрозу демократическому выбору [Teivanen 2002]. Данная тенденция проявилась с особой ясностью, когда были низложены Папандреу и Берлускони, а на смену им пришли два технократа, прошедшие подготовку в Массачусетском технологическом институте и в банке *Goldman Sachs*.

Новое видение экономики ошибочно, поскольку экономическая наука не является ни нейтральной, ни каузальной, ни предписывающей. Одновременно глобализация не может быть сведена к одной лишь экономике, ещё в меньшей степени к рынку, и уж совсем в незначительной степени к либерализму. Имея в виду всеохватывающий характер данного явления и его структурирование посредством новых изошрённых способов обмена информацией, глобализацию следует рассматривать, прежде всего, как процесс изменения социальной системы [Scholte 2000].

Международные отношения смешиваются с отношениями социальными, выходя за пределы того, чего не смогли достичь даже самые продвинутые либералы. В частности, государство становится чем-то большим, нежели просто «рыночная функция которого должна состоять в повышении собственной экономической успешности [Cerny 1997]. Аналогичным образом, мировой порядок не может быть охарактеризован посредством лишь политической гегемонии и многополярности, поскольку необходимо учитывать и влияние идентичности (этнической, религиозной), способной порождать оппозицию, неудовлетворённость и протесты. Как показала «арабская весна», они могут повлечь за собой далеко идущие международные последствия.

Глобализация создаёт новые источники нестабильности, порождает новое недовольство. Она в корне меняет и интернационализует социальное поведение, вызывая новое общественное неравенство, новую напряжённость, и даже новый дефицит демократии [Scholte 2000]. Приобретая международное измерение, все эти социальные явления становятся серьёзными вызовами, влекущими за собой конфликты и нетрадиционные угрозы. Политическая и военная конкуренция становится менее релевантной, нежели эта «социальная тектоника», которая позволила бы объяснить войну в регионе АфПак более убедительно, чем классическая геополитика. Террористические группировки выступают в качестве новых «предпринимателей в сфере насилия», которые быстро сообразили, каким образом они смогут обратить этот социальный субстрат в свою пользу.

Исследования международных отношений переориентируются по пяти основным осям. Первая состоит в определении тех социальных вопросов, которые формируют сегодня мировую политику. Они редко обсуждаются государствами, которые предпочитают принижать их значение, относя к категории «проблем развития», удерживая вдали от стратегических приори-

ритетов и не желая принимать во внимание их реальную *международную* значимость. Социальные вопросы, тем не менее, становятся более заметными благодаря прогрессу в области обмена информацией и урбанизации социальных патологий, становящихся всё менее локализованными лишь в сельской местности. Впоследствии они интерпретируются «предпринимателями в сфере насилия» в терминах этнической идентичности или религии, что позволяет их использовать в международной политике.

Вторая ось формируется приобретением тектоническими подвижками в социальной области преимущественного значения по сравнению с межгосударственными конфликтами. Даже если некоторые из таких противостоятий сохраняются или присутствуют в латентной форме, большую часть конфликтов мира можно анализировать как отражение социальной напряжённости. В этих условиях встает вопрос о том, на что способна государственная дипломатия в деле их эффективного разрешения и насколько применимы военные средства сдерживания дестабилизации.

Третья ось обусловлена изменением легитимности, которая не может быть определена с точки зрения исключительно права и демократии. Во внимание должна приниматься также способность государства справляться с социальной мобилизацией. Новые механизмы легитимизации формируются посредством манипулирования социальным протестом и его экспорта вовне, что приводит к возникновению новых форм международного популизма, предвестниками которого выступали Индира Ганди, Гамаль Абдель Насер и отчасти Уго Чавес. Радикальная версия данной стратегии может приводить даже к насилию, как видно на примере риторики Аль-Каиды в исламском Магрибе. В этом случае репрессии становятся неэффективными и даже подпитывают мобилизацию протеста. Корни международного насилия лежат, скорее, в социальной, а не в политической сфере, так что его определение по Клаузевицу оказывается проблематичным.

Четвёртая ось представлена исследованием новой дипломатии. В условиях повышения значимости интерессоциальных отношений дипломатия более не может сохранять прежнюю конфигурацию. Если перед ней поставлена задача преодоления разобщённости [Sharp 2009: 30], она не должна фокусироваться исключительно на политике, поскольку государства не могут претендовать на то, чтобы оставаться единственными ее действующими субъектами. Новой дипломатии приходится иметь дело с новыми каналами взаимодействия, новыми проблемами и новыми участниками, происходящими, в частности, из гражданских обществ. Главную роль на пути к транснациональной дипломатии придётся играть органам местного самоуправления, фирмам, неправительственным организациям и СМИ [Badie 2013].

Наконец, последнюю из рассматриваемых осей образуют приобретающие новый смысл регулирование и управление. Прежде они обеспечивались исключительно посредством государственной дипломатии и межгосударственных переговоров. Регулирование осуществлялось в гегемонистской форме или олигархическими методами, передававшими управление миром крупнейшим державам.

Первый вариант регулирования основывался на представлениях о «гегемонистской стабильности» [Gilpin 1983] или «благожелательном доминировании» [Kindleberger 1973]. Второй поддерживался средними державами, в частности европейскими странами, которые надеялись на сохранение былой роли в руководстве миром. Ярчайшей иллюстрацией такой концентрации полномочий выступают форматы «пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН» и «группы восьми».

Сегодня оба варианта мирорегулирования пребывают в кризисе. Гегемония постепенно размывается, а олигархия уже не способна обеспечить принятие согласованных решений и лишь гарантирует базовое выживание мирового порядка. Политика исключения значительной части игроков из мирорегулирования подрывает

глобальную стабильность и не сочетается с новыми интерессоциальными отношениями. Как только интеграция станет фундаментальным принципом международного общества, любого рода эксклюзивность окажется нефункциональной, питая неудовлетворённость, унижение и насилие.

* * *

Регулирование становится возможным лишь при учете тектонических подвижек в социальной сфере. «Арабская весна», греческий кризис в Европе, Палестина, Сахель, АфПак – все эти проблемные ситуации стали свидетельствами растущего значения динамики общественных отношений, приводящей к устареванию традиционного межгосударственного регулирования. Отсутствие испытанных методов социального регулирования на международном уровне заводит перечисленные выше конфликты в тупик. В результате новый исторический этап не получается столь же мирным, как предыдущие десятилетия.

Однако ему присущи большая интенсивность взаимодействия, большее разнообразие отношений и больший гуманизм. Кроме того, потенциально он более партиципативен и менее олигархичен. Построенная на тяжких социальных патологиях система приведёт к большему насилию в мировой политике. В предыдущий период общества были организованы в государства с целью ведения войн и укрепления собственных идентичностей. Мы же ныне наблюдаем нечто, совершенно противоположное – как насилие в социальной сфере порождает новое насилие в международной среде, которое нарастает вслед за непредсказуемостью обществ. Вместо того чтобы оставаться, по Гоббсу, аренной перманентной войны между гладиаторами, международная система становится потенциальным инструментом мирных урегулирований.

Эта великая трансформация предполагает появление новых подходов в теории международных отношений. Историческая социология, конструктивизм, постмодернизм, постколониализм открывают иным

дисциплинам доступ к исследованию международных отношений. Они схожи стремлением покончить с изоляцией этой предметной области в научном гетто.

Неотъемлемое свойство человеческой природы – интерпретировать неизвестное через ранее знакомое. Однако разумно ли отстаивать заблуждения, настаивая на том, что Бен Ладен – это примерно то же самое, что Брежнев, сравнивая афганскую войну со Второй мировой и представляя провалы как сфальсифицированный успех? Настало время перейти к инклюзивному видению

новых международных отношений, добиваясь большей социологичности анализа – для того, чтобы начать новую историю.

Это переработанная для журнала «Международные процессы» версия статьи Бертрана Бади (Bertrand Badie) «Когда начинается история» (Quand l'histoire commence), опубликованного на французском языке издательством CNRS Editions в 2013 году и на английском языке в журнале European Review of International Studies, No. 1–2, Summer 2014.

Список литературы

- Angell N. The Great Illusion : a study of the military power to national advantage. N.Y.: Knickerbocker Press, 1913. 416 p.
- Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. N.Y.: Doubleday, 1966. 820 p.
- Badie B. Transnationalizing Diplomacy and Global Governance // Diplomacy in a Globalizing World / Eds. P. Kerr, G. Wiseman. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 85–102.
- Beardsworth R. Cosmopolitanism and International Relations Theory. Cambridge: Polity Press, 2011. 224 p.
- Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. N.Y.: Knopf, 2002. 919 p.
- Bourgeois L. Pour la Société des Nations. Paris: Fasquelle, 1910. 496 p.
- Globalization from Below: the Power of Solidarity / Eds J. Brecher, T. Costillo, B. Smith. Cambridge: South End Press, 2000. 164 p.
- Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L.: Macmillan, 1977. 335 p.
- Cerny Ph. Paradoxes of the Competition State: The Dynamics of Political Globalization. // Government and Opposition. Vol. 32, No. 2. April 1997. P. 251–274.
- Durkheim E. The Division of Labour in Society. N.Y.: Free Press, 1984. 352 p.
- Geertz Cl. The Interpretation of Cultures. N.Y.: Free Press, 1973. 470 p.
- Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Grotius H. Du droit de la guerre et de la paix. Paris: PUF, 1999. 888 p.
- Kaldor M. New and Old Wars : organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press, 1999. 192 p.
- Kindleberger Ch. The World in Depression, 1929–1939. Berkley: University of California Press, 1973. 336 p.
- Kojève A. Esquisse d'une phénoménologie du droit. Paris: Gallimard, 1981. 592 p.
- Kojève A. Introduction à la lecture de Hegel. Paris: Gallimard, 1947. 600 p.
- Krasner St. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 264 p.
- Mill St. A Few Words on Nonintervention // Essays on Politics and Culture / Ed. G. Himmelfarb. Gloucester: Peter Smith, 1973.
- Morgenthau H. Politics Among Nations. N.Y.: Knopf, 1954. 600 p.
- Müller H. Are Distinct IR Reflected in Diverging Security Policies? Groningen: Multig, 2007.
- Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society. N.Y.: Scribner's, 1932. 284 p.
- Rosenau J. Turbulence in World Politics: a theory of change and continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. 480 p.
- Scalapino R. The United States and Asia: Future Prospects // Foreign Affairs. Vol. 70, No. 5. 1991. P. 19–40.
- Scelle G. Précis de droit des gens. Paris: Sirey, 1932. 332 p.
- Schmitt C. The Concept of the Political. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 111 p.
- Scholte J.A. Globalization. A Critical Introduction. N.Y.: Palgrave, 2000. 361 p.
- Sharp P. Diplomatic Theory of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 339 p.
- Tarrow S. The New Transnational Activism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 258 p.
- Teivanen T. Enter Economism, Exit politics: Experts, Economic Policy and the Damage to Democracy. London: Zed Press, 2002. 227 p.
- Waltz K. Theory of International Politics. N.Y.: Addison–Wesley, 1979. 251 p.
- Wight M. International Theory: The Three Traditions. Leicester: Leicester University Press, 1991. 286 p.
- Wight M. Systems of States. Leicester: Leicester University Press, 1977. 232 p.

HAS HISTORY RESTARTED?

BERTRAND BADIE

Sciences Po, Paris, 75007, France

Abstract

It is fashionable to claim “the end of history”. As the times of classical wars seem to be over, many scholars – particularly Alexandre Kojève – argue that we currently face “the end of international relations”. This article argues the opposite, that is to say that we are now confronted with the real beginning of international relations, and even of “intersocial relations”, in which social actors and individuals are more and more involved. Such an analysis is also a way of reinterpreting the dawn of IR as a discipline, its debates and tensions, its present transformations. The article questions the traditional typology of IR theories, and points out correlations between theoretical challenges and changes or evolutions of history. It is also a way of shedding light on what could be considered, in such a chaos, the French approach to International Relations. Is it only the French touch or the basis of a new paradigm? The article criticises the previous domination of American realism, which was built on an essentially conflictual vision of international interactions. While, throughout history several alternative approaches attempted to challenge Realism, they appeared too weak to do so in a meaningful way. The global transformations since the end of the “Cold War” open opportunities for a substantial reconstruction of IR studies, in order to incorporate the growing contribution of intersocial interactions and non-state actors in World politics.

Keywords:

End of History; globalization; International Relations Theory; Realism; world order; Anthropological turn; sociology of international relations.

References

- Angell N. (1913). *The Great Illusion : a study of the military power to national advantage*. N.Y.: Knickerbocker Press. 416 p.
- Aron R. (1966). *Peace and War: A Theory of International Relations*. N.Y.: Doubleday. 820 p.
- Badie B. (2013). Transnationalizing Diplomacy and Global Governance In *Diplomacy in a Globalizing World* Ed. by P. Kerr, G. Wiseman. Oxford: Oxford University Press. Pp. 85–102.
- Beardsworth R. (2011). *Cosmopolitanism and International Relations Theory*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Bobbitt Ph. (2002). *The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History*. N.Y.: Knopf. 919 p.
- Bourgeois L. (1910). *Pour la Société des Nations*. Paris: Fasquelle. 496 p.
- Brecher J., Costillo T., Smith B. (eds) (2000). *Globalization from Below: the Power of Solidarity*. Cambridge: South End Press. 164 p.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. L.: Macmillan. 335 p.
- Cerny Ph. (1997). Paradoxes of the Competition State: The Dynamics of Political Globalization. *Government and Opposition*. Vol. 32, No. 2. P. 251–274. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1477-7053.1997.tb00161.x>
- Durkheim E. (1984). *The Division of Labour in Society*. N.Y.: Free Press. 352 p.
- Geertz Cl. (1973). *The Interpretation of Cultures*. N.Y.: Free Press. 470 p.
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Grotius H. (1999). *Du droit de la guerre et de la paix*. Paris: PUF. 888 p.
- Kaldor M. (1999). *New and Old Wars : organized violence in a global era*. Cambridge: Polity Press. 192 p.
- Kindleberger Ch. (1973). *The World in Depression, 1929–1939*. Berkley: University of California Press. 336 p.
- Kojève A. (1981). *Esquisse d'une phénoménologie du droit*. Paris: Gallimard. 592 p.
- Kojève A. (1947). *Introduction à la lecture de Hegel*. Paris: Gallimard. 600 p.
- Krasner St. (1999). *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. 264 p.
- Mill St. (1973). A Few Words on Nonintervention. In *Essays on Politics and Culture*. Ed. by G. Himmelfarb. Gloster: Peter Smith.
- Morgenthau H. (1954). *Politics Among Nations*. N.Y.: Knopf. 600 p.

- Müller H. (2007). *Are Distinct IR Reflected in Diverging Security Policies?* Groningen: Multig.
- Niebuhr R. (1932). *Moral Man and Immoral Society*. N.Y.: Scribner's. 284 p.
- Rosenau J. (1990). *Turbulence in World Politics: a theory of change and continuity*. Princeton: Princeton University Press. 480 p.
- Scalapino R. (1991). The United States and Asia: Future Prospects. *Foreign Affairs*. Vol. 70, No. 5. P. 19–40.
- Scelle G. (1932). *Précis de droit des gens*. Paris: Sirey. 332 p.
- Schmitt C. (1996). *The Concept of the Political*. Chicago: University of Chicago Press. 111 p.
- Scholte J.A. (2000). *Globalization. A Critical Introduction*. N.Y.: Palgrave. 361 p.
- Sharp P. (2009). *Diplomatic Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 339 p.
- Tarrow S. (2005). *The New Transnational Activism*. Cambridge: Cambridge University Press. 258 p.
- Teivanen T. (2002). *Enter Economism, Exit politics: Experts, Economic Policy and the Damage to Democracy*. London: Zed Press. 227 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. N.Y.: Addison–Wesley. 251 p.
- Wight M. (1991). *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leicester University Press. 286 p.
- Wight M. (1977). *Systems of States*. Leicester: Leicester University Press. 232 p.